

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОХРАНЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Б.Г. Тугельбаева

Проанализированы экономические и политические детерминанты профессиональной преступности в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: профессиональная преступность; безработица; уровень жизни.

Научное объяснение детерминант преступности относится, как отмечал академик В.Н. Кудрявцев, к наиболее сложной проблеме современной криминологии¹. Тем более это касается причин отдельных видов преступности и, в особенности профессиональной, которая в Кыргызской Республике, не изучалась как явление.

Полагаем, что детерминанты преступности в значительной степени обусловлены экономическими условиями, в которых живет и развивается общество и государство. В криминологии утвердилось мнение о том, что при всем многообразии

экономических отношений они всегда обладают определенной противоречивостью, которая и порождает преступность. При этом рыночные отношения, которые сегодня активно развиваются в Кыргызстане, “изначально отягощены преступностью, поскольку основаны на конкуренции, а значит, на подавлении конкурентов, запрограммированной избыточности рабочей силы (безработице), выжимании прибыли в возможно больших размерах, на столь же запрограммированном имущественном и социальном расслоении людей”².

¹ См.: *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения) / В.Н. Кудрявцев. М.: Проспект, 2007. С. 21.

² Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юрист, 2002. С. 183.

Общеизвестно, безработица создает резерв лиц, которые потенциально могут заняться преступной деятельностью для получения средств к существованию. Об этом писал еще в начале прошлого века английский ученый Ф. Джоринг, который на основании изучения заключенных-рецидивистов в тюрьмах пришел к выводу, что наличие или отсутствие постоянного заработка у преступника существенно определяет, станет ли он рецидивистом, а затем и профессионалом¹. По мнению российских криминологов, безработица, выбрасывая на улицу десятки тысяч людей и объективно меняя в худшую сторону существующую в стране криминальную ситуацию, одновременно повышает социальную значимость лидеров криминального мира, способных предоставить потерявшим работу людям возможность преступным путем получать средства к существованию². По некоторым сведениям, увеличение контингента безработных только на 1 % приводит к росту преступности на 5 %³.

Если в советское время безработица носила скрытый характер, то переход к рыночным отношениям сделал ее легальной. По данным Национального статистического комитета КР за 2005–2010 гг., средний уровень общей безработицы в стране составлял примерно 9,5 % для женщин и 7,5 % для мужчин, или 8,5 % для всего населения. При этом для городского населения уровень безработицы на 3–4 % выше, чем для сельского, а для женщин, независимо от места проживания (город, село), выше на 1,5–2 % по сравнению с мужчинами. Среди регионов страны наиболее высокий уровень безработицы отмечается в Баткенской, Нарынской, Иссык-Кульской, Чуйской областях и г. Бишкеке, а самый низкий – в Таласской области, Ошская и Джалал-Абадская области занимают промежуточные места⁴.

Но при анализе уровня безработицы в указанных регионах с наблюдаемым там уровнем преступности корреляции не наблюдается. Напротив, в Баткенской области самый низкий уровень преступности в части краж, мошенничества, разбоев и грабежей. По сравнению с Баткенской областью незначительно выше уровень преступности по

данным видам преступлений в Таласской области. Четкая корреляция прослеживается в г. Бишкеке и Чуйской области. Можно сделать вывод, что в региональном масштабе корреляционная связь между уровнями безработицы и профессиональной преступности характеризуется выраженной неоднородностью или неравномерностью. На наш взгляд, в значительной степени это обусловлено интенсивными миграционными процессами, которые, сглаживая криминальную составляющую последствий безработицы в одном регионе, способствуют более острому ее проявлению в других, характеризуемых концентрацией рабочей силы.

По-видимому, не сама по себе безработица обуславливает преступность, а превалирование в составе безработных тех или иных групп, входящих в зону повышенного риска. В этой связи нами более подробно был изучен состав контингента безработных. По имеющимся статистическим данным, в 2003 г. более половины контингента официальных безработных составляли лица, уволенные по собственному желанию, и до 18–20 % лиц были уволены в связи с высвобождением. К 2010 г. произошло значительное сокращение этих групп в общем числе безработных. Так, количество уволенных по собственному желанию уменьшилось до 30–40 %, а уволенных в связи с высвобождением до 8 %⁵.

Снижение данного показателя для уволенных по собственному желанию, возможно, было обусловлено такими причинами, как сокращение количества непрестижных рабочих мест, переход части безработных в теневой сектор экономики и снижение интенсивности миграционных перемещений внутри страны. А для уволенных в связи с высвобождением – стабилизация численности аппаратов органов государственной власти в результате административных реформ, уменьшение числа государственных предприятий вследствие их приватизации и др.

Следовательно, профессиональная криминальная деятельность в определенной степени более вероятна для той группы безработных, которые были уволены по собственному желанию, так как престижность работы их не интересует, а переход к теневой экономической деятельности дает им даже определенные преимущества. Среди контингента уволенных в связи с высвобождением группу риска, как считают криминологи, представляют бывшие спортсмены, демобилизованные военнослужащие, работники правоохранительных

¹ См.: Познышев С.В. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права / С.В. Познышев. М. Изд-во Наркомюста, 1923. С. 175.

² См.: Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1993. С. 73.

³ См.: Степанчикова С.А. Криминология: учеб. курс / С.А. Степанчикова; Центр дистанц. образоват. технологий МИЭМП // <http://www.e-college.ru>, 2010.

⁴ См.: Женщины и мужчины КР: Сб. гендерно-разделенной статистики. Разд. Занятость и безработица. Бишкек, 2006. С. 93; 2011. С.85.

⁵ См.: Женщины и мужчины КР: Сб. гендерно-разделенной статистики. Разд. Занятость и безработица. Бишкек, 2008. С. 97; 2011. С.105.

органов, которые остро ощущают снижение своего социального статуса¹. Кроме того, указанные лица обладают определенными профессиональными навыками, которые могут быть использованы в преступной деятельности.

Настораживает факт увеличения среди безработных количества лиц, неустроенных после окончания образовательных заведений. Полагаем, что это связано с общим увеличением прироста молодежи в последние пять лет и недостаточным ростом рабочих мест, особенно, для неквалифицированной рабочей силы. Повышенную предрасположенность к делинквентному поведению в силу определенных особенностей социализации имеют вчерашние школьники, многие из которых не достигли совершеннолетия, а также лица, получившие рабочие специальности после окончания профессионально-технических училищ и средне-специальных учебных заведений.

По сравнению с 2003 г. возросло и число официально зарегистрированных безработных, не имеющих работы в течение года, среди которых значительный процент безработных имеет только среднее общее образование. Это свидетельствует о том, что подолгу без работы остаются, прежде всего, выпускники средних школ, не поступившие в образовательные учреждения следующих ступеней. В 2010 г. число безработных этой категории в целом увеличилось примерно на 8 % как среди женщин, так и среди мужчин². По нашему мнению, такое состояние характеризуется потерей веры в получение возможной помощи со стороны государства либо родственников и близкого окружения, а также огромным желанием любыми путями выйти из финансового тупика.

На тот факт, что потеря работы приводит к сильному психологическому напряжению, уступающему по своему уровню, только напряжению, вызванному смертью ближайшего родственника или заключением в тюрьму, указывают американские исследователи. Кроме того, они установили, что один год безработицы отнимает у человека пять лет жизни³. На наш взгляд, такое психологическое напряжение может привести к появлению стрессовых психоэмоциональных состояний и способствовать вовлечению данных лиц в криминаль-

ную деятельность, в том числе и профессиональную.

Другую группу риска среди безработных составляют лица, освобожденные из мест лишения свободы. Работодатели практически не берут их на работу, государство не имеет для таких лиц программ занятости или трудовой реабилитации. Попадая в безвыходное положение, эти лица часто поневоле вынуждены зарабатывать себе на жизнь преступным путем.

С безработицей тесно связан такой фактор, как уровень жизни населения, основным индикатором которого является уровень бедности. В целом по республике на протяжении последних лет показатель уровня бедности снижается, что указывает на определенный прогресс, достигнутый государством в этой сфере. Если в 1998 г. он составлял более 50 %, то в 2005 снизился до 41,3 %, а к 2010 г. составил 1 млн 846,2 тыс. чел., из которых 74 % – жители сельских регионов. Это население, имеющее уровень доходов приближенный к уровню нищеты, и представляет собой наиболее подверженную вынужденной криминализации группу.

Для распространения бедности характерна территориальная неравномерность. Сопоставление уровней бедности и преступности в региональном масштабе показывает, что, например, удельный вес краж и мошенничества наиболее высок в небедных регионах – Чуйской области и г. Бишкеке и минимален в Нарынской и Таласской областях, где показатель уровня бедности значителен. Таким образом, характер регионального распределения удельного веса некоторых видов общеуголовной корыстной преступности подтверждает, что преступность, особенно профессиональная, всегда будет стремиться в развитые и урбанизированные регионы, где поле криминальных интересов может охватывать многие виды деятельности. Исключение составляет скотокрадство в силу специфики предмета похищения.

Уровень жизни населения может быть охарактеризован таким индикатором, как соотношение уровня потребления (дохода) 20 % наиболее бедных и 20 % наиболее богатых групп населения. В Кыргызстане это соотношение в 1998 г. составило 9,6, то есть наблюдался существенный разрыв в уровне жизни бедных и богатых слоев населения⁴. К настоящему времени он не только не сократился, но, напротив, увеличился на порядок, что позволяет констатировать значительный охват бедностью основ-

¹ См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 307.

² См.: Женщины и мужчины КР: Сб. гендерно-разделенной статистики. Бишкек, 2005. С. 69; 2011. С. 105.

³ См.: Аюпов А.Н. Трансформация национальной экономики / А.Н. Аюпов. Бишкек, 2008. С. 224.

⁴ См.: Аюпов А.Н. Указ. соч. С. 32.

ных социально-демографических страт населения (школьников, инвалидов, пенсионеров и др.).

Отсюда можно сделать вывод о том, что в условиях, когда бедность становится образом жизни всего населения и передается из поколения в поколение, то стратегия выживания общества неизбежно будет основываться на насилии и криминализации многих сфер деятельности.

Кроме поляризации доходов между бедными и богатыми в современном кыргызском обществе существуют и другие разрывы социальной ткани, в частности:

- разрыв между поколениями;
- разрыв между элитами и массами;
- информационный (цифровой) разрыв между городом и селом, между различными социальными стратами населения;
- разрыв социальных связей в результате внутренней и внешней миграции;
- этнический разрыв в результате неприятия других субкультур и усиление на этом фоне дискриминационных обычаев и традиций;
- конфессиональный разрыв, особенностью которого является резкое увеличение обращения населения к исламу;
- гендерный разрыв¹.

Названные факторы создают достаточно существенное социальное напряжение в обществе, которое на фоне непоследовательности проведения экономических реформ и острой нехватки ресурсов, а также слабости системы государственного управления и декларативности провозглашенного властью курса на построение социального государства, привело к усилению политической активности масс в Кыргызстане, выразившейся в революциях 2005 и 2010 гг.

Хотя леймотивами обеих революций было справедливое перераспределение государственной собственности, снижение коррупции и повышение благосостояния населения, первая захлебнулась в волне коррупционных и экономических преступлений самой новой власти и спровоцировала перераспределение имущества противоправными часто примитивными способами, то есть способствовала росту общеуголовных корыстных престу-

плений, совершаемых обычно преступниками-профессионалами.

Послереволюционная стагнация, охватившая все социальные институты, изменила общественную нравственность и мораль, сопровождалась ослаблением экономического потенциала государства. Произошло сокращение легального сектора экономики в стране вследствие того, что бизнес начал уходить в теневой сектор из-за нерентабельности нормальной экономической деятельности, сопровождаемой слишком высокими налоговыми изъятиями. Удельный вес теневой экономики в Кыргызстане в послереволюционные 2006–2009 гг. по различным независимым оценкам, представленным в Государственной программе по легализации теневой экономики на 2007–2010 гг., стал равен 60–70 % ВВП. Это в два и более раза, выше, чем в развивающихся африканских и некоторых южноамериканских странах, где этот показатель составляет около 30 % ВВП². Формирование новой полукриминальной системы экономических, политических, социальных отношений определило такие критерии ценностей, как материальное благополучие, занимаемое в обществе положение, протекционизм и клановая принадлежность.

Криминогенные процессы в экономике, подпитываемые политической нестабильностью, не были изжиты и в результате второй революции. Кыргызстан на некоторое время стал заложником так называемой “охлократии”, то есть власти толпы, что не способствовало экономическому подъему государства.

Сегодня по уровню конкурентоспособности экономика Кыргызстана занимает 121 место из 139 стран, при дефиците государственного бюджета 17 % ВВП (согласно международным финансовым критериям дефицит более 3 % ВВП считается критическим)³. Продолжает развиваться теневая криминальная экономика, экономическое неравенство в обществе, что, естественно, отражается на обострении криминальной ситуации в целом. Более того, можно говорить о том, что у определенной части населения, на основе ложно понимаемой экономической свободы сформировался полукриминальный менталитет⁴, что является одним из

¹ См.: Tugelbaeva B.G., Chamzaeva A.D. Genderaspekte bei abweichendem Verhalten in der Familie / B.G.Tugelbaeva, A.D. Chamzaeva // Kriminalität und Kriminalprävention in Ländern des Umbruchs/Beitrag einer Internationalen Konferenz in Baku/Aserbaidshan/Helmut Kury und Elmar Karimov (Hrsg.). Universitätsverlag Dr.N. Brockmeyer, Bochum, 2006. P.186.

² См.: Шестаков А.В. Теневая экономика: учеб. пособие /А.В. Шестаков. М.: Дашков и К, 2000. С.18.

³ См.: Усманов С. Кыргызстан: дефолт или сокращение расходов / С. Усманов // Дизель. 2011. 17 августа.

⁴ См.: Курманов А.К., Окенова Р.А. Криминология / А.К. Курманов, Р.А. Окенова. Бишкек, 2005. С. 45.

факторов, детерминирующих развитие профессиональной преступности.

Таким образом, отсутствие преобразований эволюционного характера при переходе к рыночным отношениям, “шоковая” терапия, частая смена моделей экономического развития Кыр-

гызстана, сопровождаемые перманентной политической нестабильностью, негативно отражаются на антикриминогенном потенциале государства, способствуют укреплению в Кыргызстане позиций общеуголовной преступности, фундаментом которой, как известно, является ее профессиональная часть.